

Кавалер ордена Ленина

Прочитав обширный труд И. Никифорова и его соавторов о замечательных людях района, я, тем не менее, в списках награжденных высшей наградой Родины - орденом Ленина не нашел имя прославленного земляка - Ефима Исаковича Елизарова, чей подвиг описан в книге «Герои фронта и тыла». Чтобы как-то заполнить незаслуженный пробел, мой рассказ...

Потерпев летом сорок третьего сокрушительное поражение на Орловско-Курском направлении, немцы перешли к обороне, возлагая большие надежды на мощно укрепленный вал проходящий от Балтийского до Черного моря. Главной частью «Восточного вала» командование считало Днепр. На одном из совещаний Гитлер заявил: «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его - эту мощную преграду».

День близился к концу, когда измотанные боями, уставшие от изнурительного многокилометрового перехода бойцы 222 полка, подошли к Днепру и, утолив жажду, встали на короткий отдых. Из-за кустов ольхи и ветлы в огненно-багровых облаках заходящего солнца просматривался могучий Днепр, крутой яр противоположного берега. Было приказано готовиться к форсированию. Группу, которая первой должна была пересечь реку, возглавлял командир батальона капитан Сагайда. Сын полка гражданской войны, опытный офицер, в самые трудные минуты боев на Орловско-Курской дуге не раз спасал своих товарищей от смерти. Капитан начал отбирать в группу самых бесстрашных, проверенных в боях, смекалистых воинов. В нее вошел и наш земляк Ефим Елизаров. Переправляться решили на подручных средствах, используя для этого часть сохранившихся лодок, разобранные деревянные сараи, пустые железные бочки и все, что держалось на плаву. Многие волновались - в трудную минуту боя на земле можно укрыться в окопе, зарыться в нее, а здесь - необъятная ширь водной пучины... Правый, крутой берег в колючей проволоке и дотах безмолвствовал. Это несколько успокаивало. Готовились тщательно: конопатили лодки, бесшумно связывали плоты, приводили в порядок оружие. Незаметно прошли сутки. И вот приказ: в ночь на 26 сентября форсировать Днепр, выбить немцев из окопов, закрепиться на правом берегу.

Ночь была темной, под ее покровом бой-

цы начали переправу. «Ну что, Елизаров, не боюсь?» - взглянув до боли в глазах, в окутывающую все пространство темноту, спросил по-отечески капитан. «Нет, огонь прошли, а воду и медные трубы должны», - отшутился солдат. Темная ночь и густой туман нам в подмогу, - и чуть слышно продолжил, - Да-а, Днепр раз в десять шире, чем у меня на родине Уба», - но вдруг неожиданно смолк, прислушиваясь к чему-то. Время как будто остановилось. Но вот, наконец, из мрака начал просматриваться высокий, хорошо укрепленный правый берег. Немцы обнаружили группу Сагайды... И началось. В небо взвились осветительные ракеты, стало светло, как днем, застрочили пулеметы, раскатисто загрохотали пушки, минометы. Столбы воды, от разрывов снарядов поднимались вокруг смельчаков. Не скидая, когда лодка уткнется в берег, Елизаров первым прыгнул в холодную, осеннюю воду, остальные за ним. С ходу стреляя из автоматов, добрались до первой линии окопов. Рукопашная схватка была короткой. Фашисты, ошеломленные дерзкой атакой русских, полусонные, не успев одеться, бежали. Сориентировавшись в ходе боя, капитан Сагайда отдал приказ: «На спине отступающего врага ворваться в находящиеся вблизи Бородаевские хутора и удержать их любой ценой». Штурм этот был, как осенний ураган, вобравший в себя всю ненависть бойцов за поруганную землю, за пепелища, в которые превратили фашисты наши города и села, за плач матерей и сирот, за погибших родных и друзей.

Заняв Бородаевские хутора, бойцы начали укреплять захваченный плацдарм. Эти обстрелянные, с большим боевым опытом солдаты знали, что с рассвета фашисты обрушат на них, на этот крохотный клочок отвоєванной советской земли, ураган огня. Поэтому, закапываясь в землю, делали все на совесть. Чуть забрезжил рассвет, началась контратака врага. Двенадцать раз за день фашисты бросались на наших защитников и каждый раз разбивались о мужество советских солдат, откатываясь назад, оставляя на поле боя убитых. Озлобленные неудачей, они к концу дня ввели в бой штурмовую авиацию. Началась ожесточенная бомбежка. От разрыва бомб земля, содрогаясь, стонала. Голова раскалывалась от душераздирающего воя пикирующих самолетов. В этом аде на

земле смешались день и ночь. Израсходовав бомбовый запас, штурмовики на бреющем полете, начали поливать наши окопы огнем из пушек и пулеметов, беспорядочно, каруселью, заходя в воздушную атаку. После такой поддержки с воздуха, немцы предприняли новую атаку, нащупав слабое место на правом фланге. Медлить было нельзя, еще немного и немцы опрокинут горстку смельчаков, утопят в Днепре. Все понимая, опытный солдат, забыв о смертельной опасности с гранатами, полком, ныряя из одной воронки в другую, прикрываясь кустарником, близко подполз к вражеским пулеметчикам. С трудом отдышавшись, кинул одну за другой гранаты. Пулемет, изрыгающий смерть, замолчал. Расчет был убит. Развернув его в сторону немцев, открыл по ним огонь. Атака врага захлебнулась. Захваченный плацдарм был удержан, приказ выполнен. За этот памятный бой, в котором наш земляк уничтожил 23 фашистов, он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза, но получил лишь, правда, самую высокую правительственную награду Родины - орден Ленина. Да и скромный Ефим Исакович не жалел об этом.

После того боя, молодого офицера дороги войны привели в Венгрию, где в бою под Будапештом был тяжело ранен. Позже, по излечении, добывал разрозненные группировки власовцев. Запятанные кровью наших людей, озверевшие, они бились до последнего патрона...

Закончилась война, и в мирных буднях проявил себя Елизаров, став одним из первых ударников в колхозе. Часто бывая в гостях у Ефима Исаковича и его жены Екатерины Петровны - связной подполья в оккупированной Одессе, но об этом особый рассказ, я помню, он однажды с горечью посетовал:

- Старость не радость, уронил на плитку бритву, оплавилась, не отремонтировать, а как бриться-то? Привык к ней.

- Не горюй, напишу на Украину, ты же еврал там.

- Думаешь, пришлют?

- Думаю, да.

И какова же была неожиданная радость, когда пришла небольшая посылка, а в ней, новенькая сверкающая электробритва «Харьков». Не забыли, помнят там... Но и чтобы здесь, на Родине помнили, мой рассказ - долг журналиста.

В РОСТОВСКИЙ, с Шемонаиха